

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.

Явилось новое произведение Врубеля и новый комментарий къ нему А. А. Карелина — картина Врубеля написана на занавѣсѣ городского театра, а комментарий А. А. Карелина въ 228 № *Воляра*. И то и другое туманно и уму простаго смертнаго не доступно, но и въ томъ и въ другомъ есть свои достоинства. Въ картинѣ Врубеля достоинство — ея тонъ. Издали кажется, что художникъ похитилъ южную ночь съ ея мечтательно ласковымъ небомъ, чарующимъ блескомъ луны, прозрачными тѣнями, и мягкими контурами деревьевъ съ ея опьяняющимъ воздухомъ... только безъ звуковъ, безъ сладкаго шепота темной листвы, безъ тихаго трепета безчисленныхъ жизней населяющихъ траву ея полей, листву ея деревьевъ... Онъ похитилъ эту ночь, и изъ Итали — волшебникъ, привезъ на Сѣверъ и наклеилъ ее на полотно театральнаго занавѣса предъ очи потомковъ Минина и разныхъ другихъ русскихъ людей, которые въ недоумѣннн смотрятъ на эту странную картину и, со свойственной имъ художественной неразвитостью, ищутъ въ ней какого-либо смысла, какой-либо идеи.

Занятіе совершенно бесполезное, ибо, по заявленію комментатора новаго искусства г. А. А. Карелина, картина можетъ „столько сказать чувству, что *заслонитъ собой любя фавулы, быть можетъ большихъ идей*“. У картины нѣтъ названія и вы имѣете полное право думать, что она изображаетъ „Панихиду о здоровомъ смыслѣ“ или „Проваль сквозь землю престарѣлыхъ дѣвъ“, или „Молодого малороссіянина, сватавшаго себѣ дивчину въ жены и получившаго гарбузъ“ — символъ отказа.

Претендовать на неясность картины нельзя, дѣло происходитъ ночью, хотя и хорошей, южной, ночью, и при свѣтѣ луны. А затѣмъ — картину писалъ Врубель — значить тѣмъ болѣе нельзя требовать отъ нея ясности сюжета.

На ней изображена палуба баржи и парусъ печально повисшій въ воздухѣ, а можетъ быть, это терраса и драпировка, а не баржа и парусъ. На фонѣ этого угловатаго сооруженія стоитъ парубокъ съ бандурой, или пажъ еѣ лютней — но г. Карелину это „идеальной чистоты юноша“, который занимается пѣніемъ „чистой, дѣвственной пѣсни“ подъ аккомпаниментъ своей бандуры, при свѣтѣ луны и среди тишины. Въ его пѣснѣ, по комментарий г. Карелина, звучитъ только чистое чувство, а не полученное искусство, подъ часъ не искреннее и не *теплое сердцу*, вслѣдствіе чего изъ подъ земли выдѣзаютъ слушать „чистую дѣвственную пѣсню юноши идеальной чистоты“, нѣкіе монстры, неизвѣстнаго пола и возраста.

Впрочемъ, они, быть можетъ, не выдѣзаютъ, а проваливаются сквозь землю, отчаявшись понять „идеально чистаго юношу“ интенсивно туманнаго Врубеля и свирѣпо поэтическія комментарий А. А. Карелина. Весьма вѣроятно, что эти монстры — суть только тѣни и грезы юноши, допустимо, что

они—просто статуи и неменѣе вѣрно будетъ предположить, что это—символы. У одного изъ нихъ носъ въ формѣ куба, у другой ухо въ видѣ шляпки гвоздя—всѣ они имѣютъ на глазахъ бѣльма и ихъ физиономіи говорятъ, что они вели жизнь дурную... За ними видны деревья—вполнѣ деревянные деревья; есть на картинѣ и городъ, или развалины города, или взволнованная рѣка,—какъ вамъ будетъ угодно.

Все это изображено угловато, безъ граціи, съ бравурнымъ розмахомъ, хлесткими ударами кисти, претендующей на оригинальность и желающей импонировать во что бы то ни стало. Она импонируетъ. Издали картина дѣйствительно навѣваетъ какое-то странное мечтательное настроеніе, ослабляющее умъ и зрѣніе какъ дымъ корней того наркотическаго растенія, которое съ такой страстью курятъ въ закаспійской области. Но избави васъ Боже подойти къ ней близко—ваше впечатлѣніе гибнетъ вмѣстѣ съ ея красотой. Предъ вами хаосъ творчества и только.

Хаосъ далеко не красивый и не производящій никакого впечатлѣнія—чѣмъ больше вы смотрите на эту вещь, тѣмъ болѣе предъ вами обнажается намѣренная грубость ея техники. Увы—„новое искусство“ которымъ можно наслаждаться на разстояніи версты!

Будь г. Врубель русскій, о его искусствѣ можно-бы сказать тоже, что сказано про Русь перефразировавъ не много:

Искусство это не понять

Умомъ его—нельзя измѣрить

И смысла въ немъ нельзя искать,

Куда Карелину повѣрить.

Отказываясь отъ исканія идеи и смысла въ новомъ искусствѣ, поищемъ его въ комментаріи къ новому искусству.

Какъ нужно понимать начало статейки г. Карелина „Новая картина М. А. Врубеля“ гласящее такъ:

„Замолкли звуки перваго акта „Миѣоны“, стихъ громъ рукоплесканій и *плавно спустилась съ верху картина, закрывъ собою сцену, на которой была не жизнь, а искусство, ей подражающее, заслонило видѣнное и слышанное самимъ живымъ чувствомъ, воплощеніемъ идеи литературнаго или историческаго сюжета?*“.

Я понимаю это такъ: на сценѣ было искусство, изображавшее жизнь, а потомъ сверху спустилось искусство ничего общаго съ жизнью не имѣющее. Но причемъ тутъ и къ чему относится „воплощеніе идеи литературнаго или историческаго сюжета“—это для меня „темна вода во облацѣхъ“.

За симъ слѣдуетъ такой образецъ литературнаго языка.

„Къ чему-же мнѣ и видѣвшимъ ее („глаза имѣющимъ“), названіе этой картины? Пусть у нея не будетъ даже имени: *она столько скажетъ чуткому чувству, что заслонитъ собою любя фавулы быть можетъ большихъ идей*“.

Я не понимаю „любыхъ фавулы быть можетъ большихъ идей“—я могу еще помириться съ „чуткимъ чувствомъ“, но „фавулы идей“—выше моего пониманія. Я такъ же не въ состояніи понять и такого заявленія г. А. А. Карелина:

„Я слышалъ на-дняхъ въ думѣ мнѣніе одного *высокопросвѣщеннаго лица, занимающаго крупное административное положеніе*. Онъ говорилъ, что если-бы М. А. Врубель—обладаль техникою К. Г. Маковскаго при умѣннѣ передавать такъ чувство, какъ онъ—Врубель—умѣетъ это дѣлать, то трудно было бы желать лучшаго. Мнѣніе—авторитетное, почтенное...“

Г. Карелину, апологету и комментатору новаго искусства, свободному художнику дѣлаетъ большую честь то обстоятельство, что онъ внимательно прислушивается къ мнѣніямъ о новомъ искусствѣ лицъ, занимающихъ крупное административное положеніе... Это очень хорошо со стороны г. Карелина—ужь если ссылаться на авторитеты, такъ именно на самыя солидныя, противъ которыхъ возражать очень неудобно. Я думаю, что г. Карелинъ этотъ приѣмъ подтвержденія своихъ доводовъ заимствовалъ у нашего знаменитаго химика, Менделѣева, употреблявшаго такіе-же приемы защиты своихъ мнѣній на торгово-промышленномъ съѣздѣ. Очень солидный приѣмъ.

И я увѣренъ, что „новое искусство“ приѣтся, разъ за него будутъ столь вѣскіе доводы. Искусство Врубеля не ново, комментаріи А. А. Карелина—неясны и не особенно грамотны, впрочемъ они идутъ къ новому искусству, какъ къ Сенькѣ шапка. Но что ново и что оригинально въ новомъ искусствѣ, такъ это именно его защита, вся основанная на ссылкахъ на авторитеты. Раньше въ оправданіе геніальнаго чудачества приводились имена Прахова, Полѣнова, Васнецова; теперь дошло дѣло до лицъ, занимающихъ крупное административное положеніе. Я больше не спорю противъ новаго искусства, когда такъ. Сохрани меня Боже!

М. Г—ій.